

УзГорак

http://uzgorak.iatp.by/

Літаратурна-мастацкі альманах г. Горкі

Верасень

Як на верасень сонца
Свой гадзіннік паверне,
Белы бусел у полі
Дамалочвае зерне.

Дожджык мые бясконца
Арабіны карункі
Верасневае сонца
Быццам сэрца дарункі.

Ніна Кавалёва.

№ 1, верасень '05

Здравствуйте, уважаемые читатели!

Издание, которое вы держите в руках, предназначено в равной степени и для вас, и для творческих людей Горецкого района, стремящихся довести продукт своего интеллектуального труда до глаз и умов читательской аудитории.

Издаваться «УзГорак» будет один раз в месяц, в соответствии с действующим законодательством, тиражом до 300 экземпляров. Нынешний объем альманаха - восемь полос формата А4 - со временем может быть увеличен – все зависит от количества (и, разумеется, качества) предлагаемых авторами произведений. Главный принцип, заложенный в основу издания – никакой цензуры, оглядок на «какбычегоне-вышло» и тыканья пальцем в потолок, дескать, ТАМ не поймут.

Единственное требование к авторам произведений – цивилизованность. И грамотность, конечно. Язык произведений также большого значения не имеет, хотя беларуская мова приветствуется, равно - как и наличие у авторов собственной гражданской позиции и чувства юмора.

Ограничений в жанрах также не будет – все, что технически может публиковаться в подобном издании, имеет право на публикацию. Мы приглашаем к сотрудничеству горецких поэтов, писателей, публицистов, бардов, художников разных направлений, и.т.д. По возможности, если позволит площадь альманаха, будем печатать произведения классиков и новинки белорусской литературы, недоступные массовому читателю. Ждем также ваших критических откликов.

Как видите, среди авторов первого номера есть и те, кто уже хорошо известен горецкой (и не только горецкой) читающей публике, и малоизвестные, но стремящиеся стать таковыми.

В добрый путь!

Редактор

Нина Ковалёва

Ты хорошая бесплатно

Возвращаешься обратно
И несешь мне кустик мяты.
Ты хорошая бесплатно -
Доброте не надо платы.

Говорю тебе: «Спасибо!»
За бесценные услуги
Улыбаешься красиво:
«Так ведь мы с тобой подруги».

Та сыпнет на рану перца,
Да еще плати за то ей.
Ты же просто даришь сердце
Золотое – золотое.

***

Заслуженный праздник в душе хлебороба:
Лежит на прилавках пшеничная сдоба,
С румяной коврижкой мальчишка в окне.
Но думают люди о завтрашнем дне.
Совхозное поле у самой пекарни –
Заводят моторы упрямые парни
И делают дело наперегонки:
Дымки над пекарней, над полем дымки.

***

В шкатулках, мы храним подчас
Все то, что дорого для нас.
Скупой таит от наших глаз
В подвалах ценностей запас.

Музей всегда для всех открыт,
Он бережет, а не таит.
С полотен пыль веков стряхнуть,
Как в реку жизни заглянуть.

Музеи – в прошлое окно,
Что для сближенья с ним дано.
В далекий век творя, любя,
Твой предок учит жить тебя:

Узоров жаркие цвета
Не красок – сердца доброта.
А стали огненный опал –
Носитель зла, войны оскал.

Что примешь ты как человек?
Что передашь в грядущий век?

Первый хлеб

Как реки поток неудержимый
Все проносит с талою водой,
Так с зерном подводы и машины
Мчит дорога с поля к кладовой.

Рыжий мальчик, подогнав подводу,
Посмотрел с достоинством на нас.
Раньше он возил на поле воду –
Хлеб возить доверили сейчас.

И шофер, обычно в деле строгий,
Что не раз мальчишку обгонял,
Не кричит: «Эй, рыжие, с дороги!
Важный груз обоих уравнял.

Возле тока (как была я рада
За шофера, друга моего)
Пропустил он парня первым: «Надо
Знать мальчишке – хлеб важней всего».

Áàñíÿ

«Если бы человеческие души были доступны для глаза, то по нашему глубокому убеждению, все явственно увидели бы одну странность, а именно - соответствие каждого из представителей человеческого рода какому-нибудь виду животного мира: и это помогло бы легко убедиться в истине, состоящей в том, что — от устрицы до орла, от свиньи до тигра — все животные таятся в людях и каждое в отдельности — в одном человеке, а бывает и так, что даже несколько в одном. Животные суть не что иное, как прообразы наших добродетелей и пороков. Блуждающие перед нашим взором призраки наших душ Бог показывает их нам, чтобы заставить нас задуматься.

Виктор Гюго

Соня Шатоба

Узнай себя

Возмутилась вдруг гиена:
- Почему я не царица?
У меня четыре лапы
И я тоже зверь, как львица.
Власти я хочу и славы,
Предо мной чтоб все дрожали.
Чтобы там где, появляюсь
Даже птицы замолкали.
Чтобы гимны мне слагали,
Возносили до небес
И все власть мою признали —
Степи, джунгли и наш лес.
Предо мною все дрожите —
Зайцы, мыши и кроты.
Ты, енот, меня завидя,
Прячься быстренько в кусты!
А тебя, шакал, супругом
Обязательно возьму.
Мы с тобой сродни друг другу
По характеру, уму.

Услышал это бегемот
И схватился за живот:
- Ой, умора, ой, царица...
Посмотри ты на себя.
Так похожа ты на львицу,
Как мартышка на меня!
Львицей быть — твое хотенье!
На охоту с ней пойдешь?
Ты, достойная презренья,
Только падалью живешь!

Мораль:
Если хочешь кем-то стать,
Нужно быть ему под стать.
Самому жить без изъяна —
И не будешь обезьяной!

Òðåáóþòñÿ áàéêåðû

Какое же творчество без фольклора! А особенно — в Горках, практически все население которых тем или иным образом связано с Белорусской сельхозакадемией : одни там работают, другие — учатся, третьи — когда-то учились, у четвертых там учатся дети, либо знакомые, у пятых бабушка — вахтер в общежитии... ну, и так далее. Кто из нас не слышал о «чудесах», порою происходящих академии во время сессий, на занятиях, практике, или в студенческих общагах! Поэтому мы ну никак не могли не отдать должное такому популярному в Горках жанру, как

Àêàäåìè÷åñêàÿ áàéêà

Если Вы — персонально Вы - были участником некоего забавного эпизода из жизни БГСХА, либо слышали о таковом от друзей, не поленитесь — сообщите об этом нам. Можно по телефону, можно — в письме. С литобработкой при необходимости поможем, а самым активным обещаем пррисвоить звание почетного байкера Горецкого района.

Поступил в начале восьмидесятых годов на агрофак парень, приехавший в академию издалека ради «откоса» от армии – студентов тогда не брали. Ценность его для ВУЗа, как будущего аграрника, равнялась нулю – человек был сугубо городским «асфальтно-балконным» жителем и корову, либо комбайн видел разве что по ТВ. Но было у него иное полезное качество – звание Мастера спорта СССР по спортивным танцам. Посему и взят на учебу он был с «джентельменским соглашением» развивать сей вид спорта (или искусства) в БГСХА.

Но учиться-то все равно надо. На первой сессии студенты агрофака сдают зачет по устройству трактора. Танцор наш, «проплясав» весь семестр, явился в аудиторию, где с трудом сдерживающий ярость преподаватель не услышал от него ничего вразумительного. Однако, поскольку о ценности данного кадра наставник все-таки был осведомлен, то, скрепя сердце, показал ему какой-то там простенький болтик-винтик, пообещав поставить зачет, если студент ответит, для чего он служит.

Глубокомысленно рассмотрев вовеки не виданную им железку, парень изрек гениальную фразу, до сих пор, наверное, гуляющую по академии:

- Раз поставили, значит, для чего-то служит – зря не поставят!

В общем, первую сессию он еще как-то сдал, а до второй уже не дотянул – пришлось «сдаваться» в военкомат.

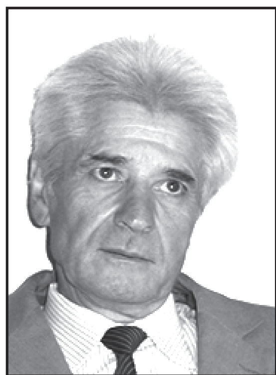
Было это вскоре после войны. Работал в БГСХА профессор «старой закалки», ходивший степенно, с массивной резной тростью и в классической «дореволюционной» ермолке. И вот принимает он экзамен. Студент, как часто водится, «ни бэ ни мэ».

- Да, - говорит профессор, долгое время пытавшийся найти с юношей общий язык по предмету, - гусь свинье не товарищ. Придется Вам еще раз приходить.

- А мы, гуси, - отвечает студент, - птицы не гордые. Можем и еще раз...

Стоявшие тогда в коридоре студенты до сих пор помнят уникальную картину: пробкой вылетающий из аудитории студент и бегущий за ним с тростью наперевес профессор. Победила все же молодость – бедняга кубарем скатился с лестницы, а профессор вернулся в аудиторию.

Подготовил Иван Морозов

Михаил Власенко

ТРИПТИХ

Пошла молва от дома к дому,
Засуетился стар и мал:
Приехал кто-то из райкома
И где-то выявил завал.

Проверка была бы не к спеху,
Да только вот какой-то псих
Состряпал скверную "телегу"
На благодетелей своих.

В конторе беготня, горячка–
В бюро готовится разбор.
Уж будет страшная накачка,
Потянут шефа на "ковер".

Примолкла техника на стане,
Буренки мечутся в хлеву,
А пред, истошно горлопаня,
Спускает новые ЦУ.

Битком набит его "предбанник",
Специалисты начеку.
Шумит райкомовский посланник,
Мол, я вас, хлопцы, допеку!..

И вдруг какой инициатор
Тряхнет некстати кулаком, –
Вмиг разнесут твой "инкубатор",
Лишь только сунешься в райком.

А коль притрешься возле пяток,
То можешь в жизни заиметь
Приличный стул и стол впридаток,
И грудь твою украсит медь...

Где было черно – будет бело, –
Пусть грозен "батька" и жесток, –
На ваше липовое дело
Набросят фиговый листок...

А нынче никчему кручина,
Не выдаст бог – свинья не съест.
Шеф лихо гаркнул: "По машинам!"
И начался большой объезд.

Большой объезд – не для потехи.
Начальство знает лучше всех,
Где нужно обойти огрехи,
Где можно выйти на успех.

Что нам райкомовский мальчишка!
Видали мы и не таких.
Пока мы тут...механик Гришка
Устроит фирменный "триптих".

Так председатель, между прочим,
Сам с собою рассуждал:
Поездим, пошумим...Замочим...
Но вот и ферма. "Стоп, привал!"

Шеф отогнал детей в сторонку,
Чтоб не наделать лишних слез,–
Лаская тощую буренку,
Ткнул носом скотника в навоз.

Чтоб уберечь коров от стресса,
Свой гнев зажал он в кулаке
И всех доярок с интересом
Отлаял в красном уголке.

Стараясь не спороть горячку,
И руки вытянув по швам,
Покорно выслушал накачку
Седой ветврач, бессменный зам...

Итак, с коровами порядок.
Теперь – в поля, где воздух свеж!
Вдоль огородов, мимо грядок
Помчался дальше наш кортеж.

На пажитях гниет солома,
Зерно проросшее вокруг...
– Тут был ли кто из агропрома? –
Заговорил инструктор вдруг.

Остановив в сторонке трактор,
С подножки спрыгнул тракторист...
И полчаса про некий "фактор"
Твердил ему пропагандист.

Закончил лекцию советом,
Как надо сеять и пахать...
Уж был октябрь,
И бабье лето
Сулило тишь и благодать.

Забросив за сиденье ватник,
Шофер (он тоже не стальной)
Повел машину на курятник,
Где шеф продолжил "мордобой":

– Цыплят по осени считают!
Спешите, бабоньки, считать!
Вы не смогли, за что ругаю,
Нестись заставить курью рать!

И молча слушали старушки
Его сумбурный монолог,
О том, что шустрые пеструшки
Весь испоганили итог.

Итог, итог, будь он неладный!
Легко ль висеть на во лоске?..
Улучшим мы его изрядно
Сегодня,
Здесь,
На пикнике!..

Сердито крякнув, председатель
Толкнул водителя под бок:
– Где этот наш...предприниматель?
Кируй-ка, брат, вон в тот лесок!..

В леске, на берегу речушки
Уж шик механик наводил, –
Из старой маленькой избушки
Густою тучей пар валил.

Втянул инструктор воздух носом, –
Затей подобных знал резон.
И вдруг – к водителю с вопросом:
–Ну а триптих-то – где же он?

–Триптих? кто это вам набаял?
Изрек юнец, боясь греха. –
А впрочем, то уха тройная,
У нас уха из петуха.

Водитель выкрутился смело,
Довольный выдумкой своей...
Уха – ухой, не в этом дело,
Тут дело чуточку хитрей.

Сначала в баньку вас засадят,
Затем попросят на уху.
Но есть еще шеф-повар. Ядя...
И вы уж свой, как на духу.

Тут веселился на халяву
Привилегированный люд,
Тут получали чин и славу,
И ордена делили тут.

Любой чиновник возмечтает
Попасть на этот закусон,

Ну а по пьянке, кто не знает?
Такие страсти разбирают!..
Сказать об этом — есть резон.

Ну что ж, таков был здесь обычай,
И председатель — свят, как бог.
Кому-то дело до приличий,
Ему — процент, ему — итог.

Итог — потом, а увертюра
Без промедленья началась...
Пускай простит меня цензура, —
Но это — рай, но это — сласть!

В углу — как золото, каменья.
Здесь русский дух, крестьянский пар!
Готов отдать без сожаленья
Ташкент и Крым, и Краснодар...

О, сердцу милая береза,
Твоя вся прелесть на спине!..
Такого славного колхоза
Вам не увидеть и во сне.

О ты, греховная натура!
Приятна твоему нутру
И с легким паром процедура,
И приступ жажды поутру!

Но будет нам нравоучений!
Есть вещи лирики сильней.
От этих острых ощущений
Чего-то жаждешь поострей.

Вторая часть — тут я не мастер,
А третья — то и впрямь не спец...
Но дайте ярче мне фломастер,—
Триптих домучу, наконец.

Смекнет читатель: рифмы ради
Наш автор, кажется хитрит, —
Он сам ходил к той самой Яде
И знает полный колорит.

Да ладно, спорить мы не будем,
Кому на пользу этот спор?
Как говорят, мы тоже люди.
Продолжим, значит, разговор...

Уж солнце близится к закату,
И банька теплится едва...
На бережку сидят ребята —
Живая, дружная братва.

Пред ними — скатерть-самобранка,
На ней — и закусь, и питье,
А между делом — перебранка.
Да разве можно без нее?

Наш гость не чувствует нахальства,
Его все потчуют кругом.
Бранит колхозное начальство
Чинов повыше за него.

Уж набрались землепроходцы,
Весь испоганили ландшафт.
Сначала пили все, как пьется,
Затем пошли на брудершафт.

Тут оживился председатель.
В зубах сучком поковырял
И произнес:
"Едрена матерь!
Где наш крестьянский идеал?

Кому нужна такая гонка?
На кой он нам, такой подряд, —
Когда все рвется там, где тонко,
А тонко — где ни кинешь взгляд!

Пусть нас за промахи осудят,
Но, вместе с тем, хочу сказать:
Коль бить себя не будешь в груди —
По шее можешь схлопотать.

К чему такая нервотрепка,
Иль мы не знаем, как нам жить?
Но ведь пусты, как эта стопка —
Все ждем, чего велят налить.

Не свезена в стога солома.
И чтоб решить такой вопрос,
Нам этот парень из райкома
Устроил форменный разнос...

Он тоже любит жизнь и землю,
В делах своих упрям и строг,
То пусть в свой адрес не приемлет
Ни злых обид, ни горьких склок".

"Куда, скажите, все деется! —
Прораб с амбицией твердит. —
Ведь столько средств
на все дается,—
Хоть устанавливай лимит.

Пока освоишь все заделы,
Успеешь выйти на нули,
Уж пусковые, знамо ль дело,
К концу квартала подвели".

Опровергая все прогнозы,
Облив механика вином,
Свои грехи сквозь смех и слезы
Валил на бога агроном.

Механик робко извинился,—
Был парень свойский и простой.
И этак вдруг раскипятился,
Что хочешь падай, хочешь стой:

"Глаза не пряча от народа,
Скажу как есть сквозь стыд и страх:
Грозит нам всем не непогода,
А наводнение бумаг.

Пусть грех, но я сказать изволю:
Душой кривили стар и юн,
В любви клялись земле и полю —
И на пирушках, и с трибун.

Возясь с докладами ночами,
Мы беломор и время жгли.
Мы были заняты речами,
До дела руки не дошли.

Мелькали дни, летели годы,
Дождя хватало и лучей.
А мы сменили труд на оды,
Хоть и гоняли нас взашей.

Всю жизнь боролись мы безмерно,
Ни сна не зная, ни затрат,
Со всякой нечистью химерной —
Как понуждал нас аппарат.

Не ждали радостей заветных,
Гребли нахрапом, брали в дар.
И надрывались в пользу бедных,
Снимая пенки и навар.

Нещадно мы друг дружку били —
С трибун, из-за угла, сплеча,
А после тост произносили
В честь дорогого Ильича..."

Гость дожевал кусок сосиски,
Взмахнул рукою — и обвис.
Вдруг промычал:
"Довольно виски!
А где же этот ваш... с-стриптиз?.."

И тут механик как подскочит!
Хватает выварку с ухой,—
Одним рывком, что было мочи,
Взметнул ее над головой...

Откуда в нем столь взялось злости,
И чем был так он озлоблен? —
Вверх полетели курьи кости,
И ливнем хлынул тот бульон.

Что тут стряслось —
дай бог приметить.
В кустах сгустился полумрак.
Все посцепились, словно дети,
И не поймешь, где свой, где враг.

Пошла такая потасовка,
Стряслась такая кутерьма,
Что и рассказывать неловко —
Тут, брат, не выговор — тюрьма!

И в этот миг посол районный,
Воздев глаза свои к звездам,
Вдруг, словно буйвол полутонный,
Пустился с треском по кустам...

Бежал, сопя и спотыкаясь,
И где-то, в сумерках, затих...

А я с читателем прощаюсь,
И перед ним покорно каюсь
За неоконченный "триптих".

ПРЕЛЮДИЯ К ПОБОИЩУ НА ПРАВОМ ФЛАНГЕ

Не за горами – очередная годовщина битвы под Ленино. Начавшись боем 1-й Польской дивизии у села Ленино Горецкого района 12 октября 1943 г., завершилась она, по обе стороны р. Днепр на территории Дубровенского р-на Витебской области, в том числе и на автомагистрали Москва-Минск, увы, весьма неуспешно. Кровь солдат и офицеров Советской армии ручьями стекала в реку. Бездонные Осинторфские болота проглатывали, не оставляя следов, целые соединения. Земля стонала от боли. Десятки, сотни тысяч душ, вспорхнув из разорванных солдатских тел, улетели на небеса. Свобода в оккупированные Горки стучалась денно и нощно под нескончаемый гул артиллерийской канонады, взрывы бомб и рулады пулеметной трескотни с северной и северо-западной стороны от границы района. А у Ленино уже полтора месяца стояла тишина!

Боевые действия под Ленино – не битва, почему и спорят порой историки, а политическая акция, в скором политая большой кровью советских воинов. Фактически состоялось досрочное, не очень интеллектуальное сражение верхов мирового масштаба за Польшу. Реальное высвобождение ее от немцев было делом времени, отнюдь не вызывающим никаких сомнений в успехе. А участие дивизии имени Тадеуша Костюшко в боях или бою - необходимый и хороший предлог – заявка на свое влияние в государственном устройстве послевоенной Польши Советским Союзом.

По большому счету, под Ленино в военном отношении поляки, хотя и хорошо экипированные, не столько помогли Советской армии, сколько помешали. Из-за этого косвенно на их совести очень и очень большая кровь. Пока устраивались «танцы» на рубеже Баево-Ленино с вводом польской дивизии в боевые порядки, а ей уступали место практически со свободным выходом на оперативный простор, проводились дебаты и разглагольствования с настроением к триумфальному шествию, противник не дремал. Отодвинув ненадежные, с их точки зрения, подразделения власовцев, немцы оборону участка взяли на себя.

Колоссальный успех от внезапности и неожиданности появления здесь советских войск, при не освобожденном еще Смоленске, достигнутый соединениями 21-ой армии, т.е. соседями, был смазан. (Военным историкам и горецким краеведам еще предстоит докопаться как глубоко и до каких мест по стыку Горецкого и Дубровенского районов проник авангард 21-ой армии последними днями сентября 1943 года и какова его дальнейшая судьба). Заманчивые перспективы сведены на нет. Военное счастье упорхнуло из-под носа. Случилось неизбежное - полное фиаско.

Присутствовал и другой усугубляющий фактор. Эту горькую правду надо признать – поляки воевать не хотели. В местах дислокации, в частности в моей родной деревне Санники на Смоленщине, недалеко от Красного, солдаты Войска польского открыто заявляли: «Воевать за Россию с вашими колхозами не будем». В сущности в войске преобладал растерянный, один раз уже убежавший на родине от войны, облаченный в военную униформу, деморализованный люд. Им просто хотелось переждать трудное время и выжить. А такое возможно в чужой стране военной поры только хотя и при скудном, но гарантированном, солдатском пайке.

В хорошей армии незыблемо правило, ставшее догмой. Мало накормить солдата и дать ему оружие. Он должен уверовать в то, что есть нечто сильнее смерти. Это чувство долга и чести, боевой дружбы и товарищества.

После боя под Ленино личный состав 1-й Польской дивизии отвели на сохранение подальше от фронта, к солдатским кухням, к чему поляки тяготели гораздо больше. Прецедент создан. Мировым средствам массовой информации «бросили кость». Политика состоялась, политики торжествовали. С этой дивизией стали носиться как с «писаной торбой». А так как она уже обстрелянная, на ее базе формируется армия... Но все это было потом.

Не стану затрагивать историческую сторону вопроса. Но задействовать поляков в районе Баево-Ленино-Ляды с прицелом на Дубровно в 1943 г. было, еще и аморально. В тех местах исстари с ляхами завязывались узлы, которые развязывались большой кровью русских людей. История повторилась! Масштабнее. Военные замыслы командования на быстрое достижение обозначенных целей рухнули. Они превратились в недосягаемое – мираж. Но надежда умирает последней. Да и поставленные задачи никто не отменял. И их решали, оконфузившись с поляками, не жалея сил и людей.

Справедливости ради приведу эпизод личного воспоминания. В своей жизни первые сладости получил я из рук воина 1-ой польской дивизии. Как сейчас помню ладонь лодочкой и обшлаг рукава шинели с кантом, а на ладони - горочка разноцветных шариков драже двух калибров и 2-3 таблетки круглой формы с буртиками прозрачных леденцов. Неведомый ранее вкус сладкого познал от поляков. А в скором горечь разочарования -от них же. Уже к католическому рождеству чуть ли не в каждый дом пришли похоронки. Нам досталось аж две. Возможно, то было случайное совпадение, так как с освобожденными территориями налаживалась почтовая связь и приходили запоздавшие страшные сообщения. Только у меня лично те горькие слезы селян и родни ассоциируются с битвой под Ленино и не без оснований. Еще больше слезы этих же людей были 9 мая 1946 года в первую годовщину Победы, когда окончательно стало ясно, что никакой ошибки нет и это горькая реальность – радости встреч не дождаться. Редкие мужчины, воевавшие на других участках фронта с 1941 г. и уцелевшие, испытывали неловкость, считая себя виновными за погибшую молодежь, братьев и сынов, едва вступивших в войну в сентябре 1943 г.

Если не зацикливаться на предместьях Ленино, а посмотреть на проблему шире (для этого всего и надо развернуть карту Беларуси), то на ней видно, что названный населенный пункт не пуп земли – веха печали случайно задетая вихрем войны. Испокон веков боевые пути запад-восток проходили севернее. А в Горецком районе, оказывается, помимо восточной границы есть еще южная, западная и

северная. Там тоже люди воевали и еще как воевали!

...33 года я связан с Сельхозакадемией, Горками. Все это время пытался разыскать места, где похоронены мой родной дядя и крестный отец, некоторые земляки, воевавшие и погибшие под Горками. Даже допускал мысль, что за полста метров от дома лежат они безымянными у комплекса «Скорбящая мать» и печалился из-за вечного беспорядка, там ежедневно виденного с 8-го этажа, из окон квартиры. Уже отчаявшись, неожиданно нашел ответ-подсказку на мучивший меня вопрос в тексте документа одного из бывших немецких офицеров. Когда вышла неудача с боевым крещением польской дивизии, ряд боевых соединений из-под Ленино за ночь были переброшены с уже ставшей бесполезной позиции через Ляды - Гусино на правую сторону Днепра, чтобы неожиданно, дефорсировав реку, с севера, восточнее г. Дубровно от д. Ивановщина - Новая Тухинь ударить справа во фланг и по тылам вражеской группировки, успевшей основательно укрепиться западнее Ленино, разгромить ее, освободить плацдарм.

Неожиданности не получилось, там уже ждали такого поворота событий. Увы...встречали не хлебом и солью. Однако батальонам и ротам разрешалось идти только вперед. Шли до последнего солдата! В войне не перехитришь – перемелят, сотрут в порошок. Для немцев это был выгодный стратегический плацдарм для возможного повторного наступления на Москву и за здорово живешь отдавать его они не собирались. Вот с этого момента и началось действительно то, что надо именовать Битвой под Ленино. А в самом Ленино была только прелюдия, приведшая к трагедии. До начала декабря 1943 года на Дубровенщине, в том числе и у северной границы нашего района, шли кровопролитнейшие бои. «Там была война до самой зимы», показывая на северо-запад, говорил мне старожил д. Орлы Ректянского сельского совета. Это никак не совпадало с направлением на поселок Ленино. И тогда, сопоставив два эти факта, я пришел к мысли: А вдруг это зигзаг боевого пути близких мне людей? Я решил заглянуть в книгу «Память» по Дубровенскому району, которую года два тому назад любезно подарил мне профессор, директор Горецкого краеведческого музея В.М Лившиц. Рассмотрев ее, я был буквально поражен. Северная граница нашего района (соответственно их южная) напомнили ожерелье, только вместо бусинок жемчуга она унизана... братскими могилами! А в деревнях Сватошицы, Добрынь, Клены многочисленные захоронения вообще безымянные, хотя в других по всему району даже при 10-тысячном, как например, «Рыленки», названы все поименно. Сам факт наводит на мысль, что это неспроста и не относится к 1944 году, когда наши войска наступали планово, тыловые службы со скорбной миссий захоронения справлялись и велся учет погибших. А нет ли часом таких скорбных, но неучтенных и необозначенных мест рядом, на нашей, так сказать сопредельной территории? Так не бывает, что справа бьются, а слева тишь, да благодать.

Вот где непочатый край огромного поля для работы исследователей! Разве это не мужское дело для юных? Прописная истина - « От уважения к погибшим начинается уважение к живым!». В данной статье я не касаюсь южной и западной границ района. По тем территориям тоже есть вопросы, заслуживающие внимания исследователей. Надеюсь, районная и академическая организация БРСМ скажут свое слово после длительного молчания.

Бои шли и на правобережье Днепра, вдоль железной и шоссейной магистрали Москва-Минск. Сильнейший напор советских войск осуществлялся со стороны Осинторфских болот. Повсеместно там шла безжалостная мясорубка. Только в один день на ограниченном участке фронта по наступающим было выпущено 80 тысяч снарядов (из немецкого документа). Наши войска пожинали плоды, выросшие из зерен, посеянных у поселка Ленино...Тщательно изучив списки озвученных потерь, я нашел погибших в один день, 17.11.1943 г. и захороненных в братской могиле д. Буда близких мне людей – родного дядю Овчинникова Ивана Марковича и крестного отца Баранова Тимофея Емельяновича. Захоронение у перекрестка дорог Минск-Москва и Дубровно - Осинторф. Наконец-то нашел!

«4 декабря бои стали носить несистематический характер», – так пишет немецкий офицер в журнале боевых действий и «5 декабря 1943 года фронт с обоих сторон, исчерпав силы, замер, зализывая раны». Это продолжалось свыше полугода. Немец делал записи о событиях на месте, мимо которого я уже проезжал сотни раз, даже не предполагая, что там должен остановиться и, став на колени, низко поклониться их праху. Хотя волнение испытывал и даже однажды на расстояние в пределах нескольких сот метров подходил с сыном к бункеру, где в июле 1944 г. был распят на кресте, как Иисус Христос, участник танкового десанта, прорвавшегося в тыл к немцам, гвардии рядовой Юрий Смирнов, который попал в плен раненым. А немного дальше дважды посещал мемориал «Рыленки», чтобы неспеша прочитать все 10тысяч имен похороненных там воинов...

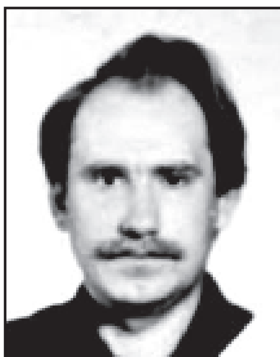
Весьма признателен составителям книги «Память» – работникам музея Горецкого района, лично Лившицу Владимиру Моисеевичу, сотрудникам Дубровенского музея и членам комиссии, составившим книгу «Память», так как в этих книгах бесценная информация для осуществления поисков. Мне они уже пригодились и подана надежда на дальнейшее святое дело.

Музеи, собранные по крупицам - центры идеологического воспитания народа. Владимиру Моисеевичу, посвятившему этому делу почти 4 десятка лет, есть чем гордится. Заслуженно. За полста книг, за полтысячи научных статей напрямую связанных с этим делом не только просвещают, но и увлекают тех, кто знакомится с его трудами не быть инертными, а включаться в процесс укрепления и расширения этой базы бесценных сведений. Чтобы никто не мог даже подумать, что нынешнее и следующие поколения превратятся в иванов не помнящих и живущих потребительски днем сегодняшним.

Могилу же дяди и крестного отца я посетил и помянул всех 2250 воинов-освободителей там покоящихся. К сожалению, акты вандализма не миновали их. Какая-то банда нагло демонтировала бронзовые плиты с отлитыми именами погибших воинов и расстреляла памятник. Битва под Ленино продолжается.

А вернувшись домой, просматривая еще раз список, обнаружил здесь же погибшего в тот день Павлюченкова Константина Климентьевича - отца своего друга.

Гражданин СССР,
ровесник ВОВ
при двух дипломах о высшем образовании,
офицер запаса,
Ветеран труда,
пенсионер по принуждению,
Михаил Емельянович Овчинников.
Идея – Дмитрия Овчинникова.

Сергей Лоцманов

У колодца

Елки могут до крови колоться,
Любят прятаться боровики.
Снова соберутся у колодца
Женщины, что поступью легки.

И без пользы не проходят встречи
Можно посмеяться над судьбой
И послушать пламенные речи,
Сплетни выведать на вкус любой.

Благо недалек наш местный форум:
Вдоль ограды с горочки и ввысь,
Если позарез — найдется кворум,
Ну тогда поехали — держись!

Тут и педсовет, и госприемка,
Тут и бабий педантичный суд,
Где с кипящими страстями емко
Бедолаг осудят иль спасут.

То-то деревенские сороки
Разлетаться вовсе не спешат,
Подождут семейные мороки,
Более, чем есть, не нагрешат.

Ромашка

Нить отмели, мосток,
ложбины чашка,
Неброские поля без колосков,
Здесь только желтоглазая ромашка
Еще живет под тенью облаков.

Ни у кого не попросить защиты
От ветра, гнущего к земле цветок,
Дождей, которым все пути открыты
На юг и север, запад и восток.

Её надежды связаны с востоком,
Где дни рождаются, зарей светясь,
И те, что кажутся постылым сроком,
И те, что ждет ромашка не боясь.

У заморозка прихотей немало,
Сумел бы желтоглазую сгубить.
Весь иней солнце языком слизало —
Живи, еще есть силы жизнь любить.

Бабье лето

А дни сгорают, как комета,
Не успевая объяснить,
Где заплутало бабье лето,
Спешившее дожди сменить.

За опозданье это лето
Я отругаю, как дитя,
И обесславлю на полсвета,
И оштрафую не шутя.

Ему зачтутся все прогулы,
Ему работать день и ночь,
Да так, что онемеют скулы,
Не сможет кто-нибудь помочь.

Приму со строгостью работу:
Из паутины кружева,
Дней через несколько, в субботу,
И к песне музыку, слова.

Тогда его я расцелую,
Трудягой стоит величать,
Любезно в книжку трудовую
Поставлю роспись и печать.

***

В заре помолодевший куст калины,
Родник, упрятанный травой густой,
Былинный холм, старинные руины
И монастырь, что временно пустой:

На стенах трещины,
как будто шрамы,
Пугают глубиной и шириной,
Худая крыша и без стекол рамы
И веет онемевшей стариной.

Стучит в висках, бледнею,
сердце стынет,
Хоть самому Всевышнему пиши:
Насколько хватит нас,
живущих ныне,
Чтоб жить без запустения души!

Анатолия

***

Листья падают, падают, падают,
Застилая тропинки в лесу.
Красотою нас осени радуют,
Будто сказку с собою несут.

Лучик солнца деревьев касается,
В паутинках блеснула роса,
Ветерок невзначай просыпается,
Клен ласкает березы коса.

Воробей-шалунишка щебечет,
Непременно ныряя в листву.
Красота эта душу излечит,
В бабье лето тебя позову.

***

Дождевые струи льются,
Плачет небо над землей,
И о зонтик звонко бьются,
Насмехаясь надо мной.

Пьет земля весной водицу,
Наслаждается водой,
Соберет ее в криницу,
Утоляя летний зной.

И опять земля проснется,
Зацветет она не зря,
Песня птичья вновь польется,
О любви нам говоря.

http://uzgorak.iatp.by/

№1, Верасень 2005 г.

Горацкі літаратурна-мастацкі альманах. Некамерцыйнае перыядычнае выданьне творчых людзей. Выдаецца адзін раз на месяц.

Выдавец і галоўны рэдактар – Эдуард Брокараў. Тэл. 8 029 545 89 83

Тэхнічны рэдактар – Дзям'ян Франкоўскі.

Наклад – 200 асобнікаў.

Распаўсюджваецца бясплатна.

Да друку прымаюцца творы ў любым жанры, якія можна друкаваць па тэхнічных магчымасьцях. Палітычная і моўная цэнзура адсутнічае.

Творы на беларускай мове ВІТАЮЦЦА.